Сергей Филатов

Где-то идёт война…

рассказ

– Вы только гляньте – кто!.. В кои-то веки Галчонок в гости залетел! – Очень громкий, не менее большой, седой весь, Василий Михайлович Литовченко весело громыхает густым басом, широко раздвигая руки, приветствуя щуплую девчонку-подростка со смешным хвостиком русых волос, стянутым на затылке резинкой. – Что, опять, наверно, свои кровно-заработанные принесла? Сколько ж можно на войну-то?.. Братику малому оставь хоть немного, на «ляльки»?

– Здрасте, дядь Вась! Чего говорите-то, какой же Гога малой, в четвёртом классе, поди, уже. Взрослый мужик. – Видно, что девочка тоже искренне рада встрече с Литовченко, и, даже несмотря на разницу в возрасте общается с ним свободно как с другом.

Василию Михайловичу уже сильно за пятьдесят, но разговаривать с ним Галчонку-Гале – которой только-только вот шестнадцать исполнилось – почему-то просто и легко, почти как с отцом. Хотя, наверное, – проще. Отец, как-никак родной человек, ему всего не расскажешь, да и разговаривать отцу сейчас с ней особо некогда. Он нынче всё по сменам ходит. Да и Галя с утра на учёбе, а днём тоже подрабатывает. Опять же вечерами Галя здесь, в офисе добровольцев Донбасса чуть ли не каждый день пропадает, чтоб дяде Васе помочь. Потому и видится она с отцом редко, не говоря уже о том, чтобы как-то, словом, перемолвиться. А с дядей Васей – сейчас почти каждый день общается. Это как в поезде, когда попутчик хороший попался, и пока вы вместе едете, можно с ним обо всём самом сокровенном переговорить. Потому как выйдет он, попутчик этот, на одной из следующих станций, или

ты вперёд выйдешь – неважно, и больше никогда, скорее всего, вы с ним уже и не встретитесь… Зато выговоритесь сполна.

Василий Михайлович – мужик надёжный, настоящий, так про таких как он, обыкновенно говорят. И словом не скривит никогда – скажет всегда прямо, что думает. Если радуется чему-то, то от души, ну а уж коли сердится на кого-то, то – тоже всерьёз… Потому Гале, даже просто так вот поговорить с ним после трудного учебно-трудового дня, всегда – как отдушина. Дядя Вася чаем опять же обязательно побалует с печенюшками, вроде и ни о чём поболтаете, но всю усталость, накопившуюся за день, после таких разговоров как рукой снимет.

Комнатушка в офисе у «добровольцев» маленькая, тесная, действительно, как купе в вагоне. Да и люди сюда разные постоянно приходят, уходят… лица меняются и меняются, как листки в отрывном календаре. Обстановка здесь, конечно, небогатая: стол у окна, на нём компьютер стоит, чайник электрический опять же… Пачка печенья распечатанная – перекусить, да гостей таких как Галя, угостить… Рядом – пачка документов, пара скамеек с двух сторон стола, вешалка на стене прибита – вот и всё, пожалуй.

А там, вон за дверью, за стенкой – склад, там места побольше будет. Только всё место это почти сплошь коробками позаставлено: консервы, тушёнка, печенье, упаковки с питьевой водой – словом, много всего полезного и вкусного. И всё это он, Василий Михайлович Литовченко, председатель местного отделения Союза добровольцев, организует: и сбор, и сортировку, и отправку гуманитарки на Донбасс… Нынче там всё это – ох как нужно! И нашим ребятам, которые воюют, и местным, которые от

украинских бомбёжек да обстрелов пострадали. Судя по тем ужасам, что в телевизоре показывают, там, на Донбассе, сегодня горе да беда сплошь да рядом ходят. Люди десятками гибнут, сотнями… – и взрослые, и дети даже – ни приведи Господь такого никому!

И всё это огромное количество нужных вещей, что через склад ежедневно проходят – и продукты, и вещи – в офис люди приносят и привозят… Кто-то сам всё это покупает, кто-то деньгами даёт, как она – Галя. А сбор, закупка, комплектация, отправка всё это на Василии Михайловиче. Сам он по торговым базам мотается на своей старенькой «Ниве», обычно с утра до обеда в разъездах, а после обеда тоже сам – здесь, на складе, с ребятишками-добровольцами из соседнего колледжа сортируют гуманитарку, по коробкам раскладывают, партии под отгрузку готовят. У ребят как раз занятия к этому времени в колледже заканчиваются, вот и приходят помочь.

Глядит на них Василий Михайлович и о своём думает, – никак он с теми не согласен, кто ворчит сегодня, что вся молодёжь у нас нынче плохая. Да нет же, посмотришь на них: конечно, не такие они, каким поколение Литовченко в детстве было. Нынешние подростки, информацией разной с головы до ног, считай с рожденья, пропитаны, может и не столь закалённые к различным жизненным перипетиям, более утончённые, хрупкие что ли, но хорошие в основе своей ребята, и мысли у них правильные. Сейчас таких помощников модно ещё волонтёрами называть, только не к душе Литовченко слово это, какое-то не наше. Вот – добровольцы, скажем, это как-то более по-русски, и более приятно для его уха. Здесь и «добро», и «воля» сразу вместе, точно в одном соединились. И помогают они, ребятишки эти, конечно,

сильно, грех это не признать. Ведь их-то, штатных работников – добровольцев-донбассцев, здесь в офисе – раз-два и обчёлся: он, ещё двое мужиков, тоже из воевавших тогда, в четырнадцатом, да пожилая женщина-бухгалтер, которая всю отчётную документацию на себе везёт. И когда бы они без помощи этих ребят-добровольцев со всем справлялись?.. А потому, от всего сердца – спасибо им огромное, ребятишкам этим, и поклон низкий до земли! Так Василий Михайлович про себя думает, и по большому счёту, прав он.

Вот и девчушка эта, Галя-Галчонок, тоже Василию Михайловичу сразу по душе пришлась, шустрая, сообразительная, и рассуждает не по-детски совсем. Она тоже сортировать помогает, деньги приносит – сдаёт, и попробуй – откажи ей, не возьми ту её тысячу, обидится.

Чем-то она – Галя-Галчонок – Василию Михайловичу дочку его сильно напоминает…

Наташа у них с женой поздним ребёнком случилась, Марина её уже ближе к сорока родила. И они, на пару с женой, буквально пылинки с дочки сдували, не могли на неё нарадоваться-наглядеться, особенно он, Василий Михайлович – лелеял и баловал дочурку без меры. Был бы сын, наверное, наоборот бы всё было, не даром говорят, что если дочь на отца похожа, а сын на мать, значит счастливые.

Всё, что с ней связано, и теперь он помнит, будто вчера случилось. Вот он её в детский сад впервые на санках повёз – там тёплое одеяло подстелено, на котором дочка сидит, вся с ног до головы в шубку укутана да шарфом замотана, только нос и глаза из-под шапчонки видны… Вот они с Мариной в

школу дочку проводили вместе – с большим букетом цветов, с бантами огромными на голове… А вот и одиннадцатый класс – Наташка на четвёрки-пятёрки школу окончила – ну чем не молоде́ц!.. На филфак в педуниверситет сама поступила – как и мечтала класса с восьмого… И всё, вроде, нормально по жизни у них шло… Но случилось… – врагу не пожелаешь!..

Марина в то время инженером на оборонном заводе работала после окончания института, а он после того же политеха, как в армии отслужил, по специальности ни дня не отработал. В полицию на службу устроился, сначала простым опером, потом до начальника отдела УГРО дорос. Лет пятнадцать, в общей сложности, в органах оттрубил, насмотрелся разного – и горя людского, и подлости, и трусости, и просто по-русски сказать – дерьма. Понял, выше майора ему в органах никак не светит, и решил – хватит. Написал рапорт, уволился. Устроился, в конце концов, на тот же завод, где его Марина трудилась – пенсию побольше себе на старость заработать. Мастером в механический цех. Как-никак, и он всё-таки на инженера учился… Думал, заживёт без нервов, спокойно, в своё удовольствие. В саду ковыряться будут на пару с Мариной, дочку растить…

Но случилось, на первом курсе института, какой-то выродок его Наташку и подружку её на танцах ножом порезал. Не то обпитый, не то обколотый. Когда это произошло, Василию сразу позвонили, он мигом в отдел примчался. Даже осознать толком не успел – что и как…

Потом уже узнал от парней – бывших своих сослуживцев, подонок этот, со слов свидетелей происшествия, ни с того, ни с сего на девчонок набросился. Глаза, как все в один голос утверждали, дикие, красные, навыкате, не иначе обожрался какой-то гадости и в мозгу что-то у этого гада

переклинило, – нож выхватил и давай им размахивать да в разные стороны тыкать…

Задержать его на месте происшествия не удалось, пока люди, которые опешили от случившегося, – опомнились, пока кто-то из них милицию вызвал… – приехали, а его нет, гада этого, как сквозь землю канул. И никто не заметил, куда, в какую сторону пропал. Подружке-то Наташиной вскользь по рёбрам пару раз досталось, а вот дочке – три раза в живот!.. Крови Наташа много потеряла, когда Василий в больницу примчался, доктор из операционной вышел, сказал виновато: «Сделали, что смогли… – И добавил сухо, устало подняв глаза. – Увы, характер полученных ранений несовместим с жизнью…»

Вот так… Несовместим с жизнью… А ему-то – как теперь? Что делать? Жить как?.. Дикая злость и желание прямо сейчас собственноручно разорвать на куски этого подонка – буквально выжигали Литовченко изнутри. Пять дней он практически безвылазно жил в райотделе, прямо в кабинете у бывших сослуживцев; самолично вместе с опергруппой множество разных злачных мест объехали, перетрясли – там где наркоши тусуются, где торгаши этой гадостью… Хорошо, товарищи рядом с ним были, не то бы натворил дел, многим бы этим… не поздоровилось… И – нигде, ни одной зацепки. Никто ничего не видел. И не слышал.

На шестой день они вдвоем в кабинете его товарища – начальника УГРО, который раньше у него замом был – достали бутылку водки из сейфа, начальник разлил по полстакана, руками развёл, мол, сам всё Михалыч понимаешь…

Выпили. Конечно же, всё он понимал, если в течение трёх дней по горячим следам не взяли, потом вероятность найти почти нулевая. Но это умом… а внутри кипело – не переставало: ублюдок! гад! фашист! хуже фашиста!..

Товарищ, чувствуя это состояние Литовченко, ещё по полстакана налил. Опять выпили. Вроде бы, злость приглушил немного, только водки Василий совсем не ощутил, как вода внутрь провалилась, даже не обожгла. А там внутри, вместо души – пустота образовалась и разрослась, от обиды на себя, от невозможности хоть что-то сделать, что-то изменить.

– Значит всё?.. – Спросил он товарища, хотя ответ и сам прекрасно знал. – Никакой надежды?..

Тот лишь взгляд притупил.

– Да ладно, – Василий посмотрел на него как-то очень спокойно, даже жутковато спокойно, от такого спокойствия обычно тревожно за человека становится, и сам разлил остатки. – Понимаю всё… Давай.

Эта пустота внутри надолго в Василии поселилась. Иногда, правда, злость подкатывала к глотке, в голову ударяла, заглушала пустоту. Та самая – первоначальная злость: как же так? Наташу, дочку?.. За что?.. Ей жить, детей рожать… Фашист, гад!..

Внешне, на людях, Литовченко старался держаться, никак не показывать этого своего состояния, только глаза выдавали – пустые, жёсткие, холодные.

А вот Марина, жена его, смерть Наташину перенесла тяжелее, если уж совсем точным быть, с большими для здоровья последствиями. У неё сразу инфаркт случился. Одну сторону тела напрочь парализовало. Ногу потом с

Божьей помощью, врачи уколами привели в чувство, хотя и ходила, прихрамывая, а вот рука так и повисла у неё вдоль тела, как плеть, без движения. Быстро сдавать начала, частенько часами у окна сидела потерянная, вся в себе. А Литовченко ещё больше злился на себя из-за своего бессилия, из-за невозможности чем-то помочь, что-то изменить.

Схоронил Марину Василий Михайлович ровно год спустя после смерти дочери, так она и не оправилась после случившегося…

В офисе ветеранов-донбассцев под вечер уже не так суетно, практически все разошлись, остались председатель, один из его штатных помощников – он на складе посылки укладывает, да Галчонок вот ещё залетел...

Василий Михайлович хорошо помнит, как девочка эта в первый раз в офисе появилась. Народу как раз в тот момент полно было, люди несли, кто деньги, кто продукты. А она зашла, худая такая, щуплая, встала у двери и… растерялась будто. И не знает, к кому обратиться, у кого спросить.

– Тебе чего, девочка? – Спросил один из помощников Литовченко.

– Да мне это… Узнать, кому деньги сдать можно на помощь Донбассу?..

– Деньги? А у тебя откуда деньги? Поди, мамка на обеды в школу даёт, а ты не ешь – экономишь?..

– Да нет, мама у меня сейчас воюет. На Украине. А деньги… заработала я! Да и вообще, какая школа, в колледже я учусь…

– Ишь ты, в колледже!.. Зара-бо-тала?.. Ну, тогда тебе вон к тому большому дядьке. – Мужчина указал ей на Василия Михайловича, который в это время с интересом наблюдал их разговор со стороны.

Он тоже спросил девочку нарочито строго:

– Не врёшь, точно заработала? – И, видя, как Галя нахмурилась, улыбнулся уже добрее. – Ну раз заработала, ладно, давай. Запишем сейчас всё в журнал для порядка… Вот, скажем, зовут-то тебя как?

– Галя!

– Стало быть, так и запишем, Галчонок прилетел, деньги принёс…

Галя сперва хотела было обидеться на этого огромного дядьку – она же серьёзно, чего дурачиться! – но, увидев его добрую обезоруживающую улыбку, поняла, нельзя на него рассердиться. Даже дружеское уважение и симпатию какую-то почувствовала. И Василию Михайловичу она тоже сразу приглянулась: серьёзная девочка, ответственная. И самостоятельная.

Как он узнал позже, из разговоров, Галя уже учится на втором курсе колледжа на технолога по металлообработке, а работает после занятий курьером в оптово-розничной торговой фирме. Заказы на продукты клиентам по адресам доставляет. Фирма, где она работает, забавно так называется – «Самокат», об этом она тоже ему рассказала. И объяснила:

– «Самокат» – потому что курьеры все у нас на велосипедах продукты развозят. Удобно: уложил аккуратно заказ в рюкзак, рюкзак за спину, и – вперёд!

Конечно, устаёт девчонка нешуточно, но зато семье реально помогает. Сама так решила и, что тоже уважения заслуживает, – сделала.

Мама у Галчонка медик, она сейчас по контракту служит. Постоянно по командировкам мотается: прошлый год в Сирии три месяца была, сейчас вот на Украине… А отец на оборонном заводе трудится. По сменам, практически безвылазно. Время такое, заказов оборонных нынче много спускают…

Поэтому, то, что Гале сейчас, так вот за чаем, вроде, и между делом, с кем-то своими переживаниями поделиться нужно, он тоже понимает. И про братишку своего младшего Георгия, который «он же Гога», Галчонок тоже с Василием Михайловичем делится. Про него вообще может много рассказывать, любит она его, это видно, но в строгости воспитывает. И права ведь! Как иначе, отец на работе в основном, мама на войне, вся ответственность на ком? На ней, на Гале. Гога, он пацан, хоть и взрослый, как она утверждает, а приготовить поесть ему надо?.. Надо. Проверить чтобы домашку нормально выполнил – тоже надо… С мальчишками в таком возрасте частенько бывает: маленько прослабишь контроль, может и глупостей всяких натворить – двоек понахватает или с компанией плохой свяжется – и не специально даже, просто по недомыслию.

– Ты давай-ка садись, Галчонок, чайком с тобой сейчас побалуемся. – Литовченко достаёт из ящика стола запасную кружку, прямо в кружках заваривает чай себе, Гале. – А то забегался я нынче совсем, так, что и перекусить некогда… Составь уж дядьке компанию… Тебе чай-то как, погуще, и сахара поболе?.. Или чтоб подкрашено было чуть-чуть, да не очень сладко?..

– Чего уж там, погуще, давай, дядя Вася. И сахара клади, не жмись…

– Понятно. Стало быть, опять в разгул с тобой сегодня пойдём! А, Галчонок!? Ты-то как к нам сегодня залетела: помогать останешься, или кровные свои мне по-быстрому скинешь, да опять бегом на своём самокате?.. – Дядя Вася подмигивает Гале, как только он и умеет, с добродушной хитринкой, протягивает ей дымящуюся кружку. – На вот, держи! Горячо. Гляди, не обожгись.

Галя в который раз уже смотрит на его изуродованную правую руку, два пальца – указательный и средний – на ней по нижние фаланги точно аккуратно срезаны чем-то острым.

Василий Михайлович перехватывает её взгляд и усмехается:

– Опять культей моей любуешься?

– Ничё я не любуюсь, дядь Вась… Скажешь тоже. – Виновато оправдывается Галя.

– Да ладно. – Он машет рукой с обрубками пальцев. – Не обращай внимания, Галчонок. Я же так… Шучу.

Галя знает, пальцы эти дядя Вася потерял ещё тогда, в 2014, когда вместе с другими мужиками-сибиряками, добровольцем самостоятельно поехал защищать мирных людей на Донбасс. Как пальцы потерял, он никогда не рассказывает, а на вопрос – чего он туда поехал он так отвечает: «Судьбою жизненных обстоятельств, но по велению души. И потому как просто по жизни терпеть не могу никакой несправедливости…»

Так-то оно – так. Но первоначально тем самым главным и решающим жизненным обстоятельством, которое подтолкнули уехать Литовченко на

войну, были, конечно же, смерти его дочери и жены. Эх Наташка, эх Маринка… Что ж вы? На кого вы меня одного?.. Что я без вас!?

Схоронил он своих «девчонок» одну за другой, белый свет для него совсем померк. Какое-то безразличие на мужика навалилось, в депрессию впал. Потому-то, как только про Донбасс услышал, даже не раздумывал – сам собрался, рюкзак собрал да поехал войной горе убивать.

Опять же, какая-то цель у него появилась, не просто так – за правое дело, за людей, за землю русскую… Хотя, это уже потом, там, на Донбассе, почувствовал неожиданно, –не просто так он сюда приехал, словно вернулся на историческую родину, пусть даже не на свою, – родителей. Что с того!

Именно здесь, – среди этих украинских посёлков – Константиновка, Яковлевка… среди городов этих с чудны́ми – Изюм, Краматорск – и родными такими – Сла́вянск, Святогорск… – названиями, лежат где-то его дальние предки, в этой земле находятся, его, Василия, корни, здесь родилась однажды и до сих пор ро́дится его глубинная суть…

Конечно, сам он Украину не помнил, да и не мог помнить, поскольку родился уже в Сибири. Когда-то родители Васи Литовченко, примерно в начале шестидесятых годов двадцатого века, переехали в Сибирь со Слобожанщины. На строительство огромного оборонного завода. Того самого, где ещё с советских времён работало почти четверть их небольшого города – отец Галчонка, его Марина… да и сам он, Василий Михайлович Литовченко, в своё время, уже оттуда, с этого завода, на пенсию уходил…

Но теперь здесь, тот самый голос крови, что будто таился доселе где-то в самых глубинных уголках памяти, под натиском не просто увиденного, но прочувствованного, прожитого душой, пробудился, воскрес в его сознании

совершенно по-новому. Он увидел страдание донбасских детей и стариков, оставшихся без крова, увидел тела людей, буквально разорванные на части минами и бомбами… И вновь трясло его от гнева и обиды, что именно здесь, на этой доброй, щедрой земле, к которой он проникся неожиданно ещё не вполне осознанным, светлым чувством, творится такая жестокая несправедливость. Что какие-то нелюди в облике людском зверски уничтожают этих, ставших ему родными людей, отказывая им в праве – разговаривать на языке, впитанным с молоком матери; любить то, что они любили с младенчества; в праве не просто жить, но и даже называться людьми… Что повылазившее из самых тёмных закоулков времени, памяти, истории, возродившееся из небытия уродливое бандеровское отродье – самые настоящие фашисты, наподобие того, который отнял у него дочку, теперь терзают и калечат землю его предков, разрывают её на части, убивают…

Вернулся Литовченко с Донбасса домой в Сибирь без двух пальцев на правой руке, и со смешанным чувством той же вины за своё бессилие и обиды за людей, которых киевские власти планомерно уничтожали, даже в те периоды затиший во время минского неустойчивого якобы перемирия…

Все события тех дней, постоянно пульсирующей болью накрепко врезались в память, и пульсации эти уже не покидали его сознание. Временами боль притуплялась, но тотчас вспыхивала с новой силой, особенно по ночам, когда уже как бы терялась грань между сном и явью, и он не мог понять, где находится в настоящий момент: здесь, дома или там на Донбассе. Он, просыпаясь, часто ловил себя на мысли, что кричит по ночам: все эти картины и события разрывали его воображение на части и сами

разлетались вокруг сотнями жалящих минных осколков. Мысли беспорядочно роились у Василия в голове…

Отступления от Славянска… Многие теперь, большей частью доморощенные «диванные стратеги», упрекают их за это. Конечно, если бы они с сотоварищами не были убеждены, что вернутся сюда, разве покинули бы этот город? Нет, остались бы умирать там. Рядом с ним воевало много местных, и настроение у них было общее, оно чётко отражалось в простом вопросе, который каждый из них задавал себе: «Почему я должен уходить отсюда, со своей земли?!»

И конечно, было больно покидать город, оставлять, практически бросать там мирных жителей, которые верили в них. Поначалу все товарищи Василия серьёзно готовились к отражению прорывов, к уличным боям, к защите города. Но за время коротких «перемирий», которые то объявлялись, то нарушались, украинские войска перегруппировывались, подтягивали к городу огромное количество бронетехники и тяжелой артиллерии. И начинались бесконечные прилёты: к «Гвоздикам» и «Градам» добавились уже 152-миллиметровые «Акации», 240-миллиметровые самоходные «Тюльпаны», 300-миллиметровые «Смерчи»… Прилетать с каждым днём стало всё сильнее и чувствительнее.

Они стойко держали оборону, решимость драться до конца жила в каждом из них. И лишь когда город был окружён полностью, и снабжение боеприпасами стало невозможным, всё яснее становилось понимание, что город не удержать. Тогда и было приняло решение уходить, чтобы сохранить наиболее боеспособную часть ополченческой армии, и ещё – что тоже немаловажно – спасти город от полного уничтожения.

А дело вот в чём: ещё тогда украинская армия начала применять тактику беспорядочного обстрела и разрушения городов, палили по площадям из тяжёлой артиллерии, уничтожая не только защитников города, но и мирных жителей. После разгрома Николаевки массированный огонь был перенесён на сам Славянск. За несколько дней было разрушено много домов, в том числе и многоэтажек. Из ста двадцати тысяч довоенного населения города в нём теперь оставалось порядка пятидесяти тысяч. Кто-то успел уехать, многие погибли, и каждодневно количество оставшихся только уменьшалось. Это и послужило главным аргументом в пользу отступления. Однако, к сожалению, города и это не спасло. Каратели, вошедшие в Славянск после двух месяцев безуспешной осады, сполна выместили свою злобу на жителях.

Да и сами ополченцы выходили из Славянска с огромным трудом, просёлочными дорогами, отвлекая противника ложным ударом бронегруппы прикрытия по блокпосту на шоссейной дороге Славянск – Краматорск. Увы, многие из ребят, входившие в эту группу, навечно остались там, позволив пройти основной колонне. Не всё прошло гладко, по пути машины были несколько раз обстреляны украинскими разведывательно-диверсионными группами. Несколько человек были ранены и убиты. Однако большая часть колонны успешно вышла к Краматорску, и заночевав там, – к Донецку…

Василию жутко везло, за всё время боёв в Славянске, во время отступления, он не получил ни одной даже самой малой царапины, хотя не прятался за других, напротив, вёл себя отважно, порой даже неоправданно дерзко.

Его снаряд – достал его уже в Донецке. Именно в боях за Донецкий аэропорт Василий и потерял свои пальцы. Получилось это всё совершенно нелепо. Сам прилёт случился где-то за углом здания, взрыва он даже не видел, только услышал хлопок, землю под ним тряхнуло, и он «на автомате» хотел укрыться в здании – запрыгнуть в него через окно первого этажа. Машинально схватился рукой за подоконник, чтобы подтянуться… тут по пальцам ему сверху шибануло. Сильно, у Василия аж в глазах потемнело. Только и успел заметить, как от подоконника разлетелись в разные стороны массивные куски разбитого литого стеклоблока. Ещё мысль мелькнула, что обычно из таких прозрачные фрагменты стен выкладывают… Боли сразу не почувствовал – просто тупой удар, темнота, и звёздочки в глазах… Сжал руку в кулак, присел на корточки и яростно закрутил головой, стараясь как-то снова собрать пространство вокруг себя в единое целое.

Помнит, как потом вместе с другим ополченцем помог дойти раненному в ногу парню до медицинской палатки. Товарищ его ещё разорвал футболку с себя, чтобы перетянуть парню ногу и остановить кровотечение. Хорошо, что базировались медики недалеко от линии соприкосновения, поэтому дошли быстро.

И то, как одна из медсестричек, принимая у них раненого, глянув Василию на руку, спросила строго:

– А это у тебя что?

– А!.. Где?.. – Переспросил он её ошалело.

– С рукой что у тебя спрашиваю? Ну-ка покажи!

Тогда только Литовченко и сам обратил внимание на свою окровавленную, сжатую в кулак руку. Разжал и увидел обрубки двух

пальцев, от которых осталось всего по одной фаланге. А из разжатой ладони, на пол палатки, упала одна из половинок его пальца, видимо, он после удара судорожно сжал его в кулаке и держал всё это время…

«Наверное, второй где-то там, на месте взрыва оставил…, – подумал, уже почти теряя сознание. – Этот тоже только выбросить осталось…»

Очнулся уже на кровати в госпитале. Посмотрел на забинтованную руку и вспомнил, что пальцев у него теперь нет. Сразу мысль мелькнула: «Надо как-то привыкать к такому новому состоянию тела. Ничего, пальцы – не голова и даже не рука», – утешал он сам себя. А вслух, на всю палату, громко шутил:

– Полпальца потерял, вторые – зачем-то с собой притащил, думал, пришьют куда-нибудь. Оказалось – зря старался… Не пригодилось.

Соседи по палате гоготали в ответ:

– С такими, как ты, Михалыч, болеть и то – весело!.. Если помирать рядом с тобой будешь, не поймёшь от чего: от боли или от смеха.

На что Литовченко с серьёзным выражением лица отвечал насмешникам:

– Ржите, ржите, жеребцы… Не дождётесь! Вот такой вам мой отрицательный ответ.

А вот он, Василий, можно сказать, своего часа дождался. Именно поэтому с таким большим воодушевлением воспринял 24 февраля 2022 года известие о начале специальной военной операции на Украине:

– Ну вот, теперь мужики в Сла́вянск вернутся! – Сказал удовлетворённо. И вздохнул. – Жаль без меня…

Каждый день до поздней ночи он пялился в телевизор, стараясь ничего не упустить. Радовался, за каждую весточку полученную оттуда, ловил каждую мелочь. Поначалу, когда показывали чуть ли не каждую самую малую деревеньку, которую освободили российские войска вместе с союзными ЛДНРовцами. И даже на работе у себя карту Украины на стену повесил, специально нашёл большую, географическую. На ней разноцветными флажками отмечал все действия наших войск, все удары. Цветным карандашом вычерчивал линию фронта, – всю информацию на неё наносил, которую из официальных сводок Министерства обороны черпал, сводки эти чуть ли не ежечасно по каналу «Россия-24» передавали.

Как-то Галчонок его спросила, чего мол, дядя Вася, по старинке – флажками, как в кино? Сейчас такие карты в интернете на многих сайтах есть, причём интерактивные, всё на них в онлайн режиме меняется. Удобно. К тому же, там не только карты, но и фото, и видео – полно.

– Это вам всё виртуально, всё онлайн… А здесь, как в реальности, всё – своими руками отметил, как будто через себя пропустил. Вот оно у тебя и отложилось. А на компьютере, что?.. Надоело тебе информация – ты компьютер отключил, и забыл всё, «с глаз долой – из сердца вон». С картой так не получается, здесь, как в жизни, хочешь – не хочешь – всегда всё перед глазами. Порой и хотел бы забыть, да где уж… А насчёт картинок, так их и по жизни… и в «зомби-ящике»… – пруд-пруди, телевизор-то я дома, поди, смотрю…

Не согласна Галя в этом с Михалычем, всё там, в сети наглядно – не флажки на карте! – но в одном прав он, многое там, в говорильне увязло, как любое хорошее начинание. Конкретики мало стало, больше обсуждений,

прогнозов. Мусолят одно и то же, да ещё и моду взяли перебивать друг друга, а то и орут, как торговки на базаре: мол, почему туда, а не туда наступают? А вот если вот так!.. Словом, «стратеги диванные» воду в ступе толкут, да из пустого в порожнее переливают.

Ну, сказали один раз, то, что давно понятно, американцы за этим за всем стоят – они рулят всем, а сами сидят за океаном, колу попивают, да смотрят, как славяне славян до смертушки убивают. Да ещё и Европу эту, насквозь прогнившую, в ту же в топку запихнуть норовят. Им британцы со своих островов тоже во все глотки подтявкивают, однако, и те сами ввязываться не спешат. Зачем, мало что ли – украинцев и прочего «расходного материала» из бывшего соцлагеря…

Непонятно, ни Гале, да и Михалычу тоже, похоже: зачем это целыми днями из телевизора нагнетать, да со всех сторон обсасывать, чего людям мозги попусту грузят своими прогнозами да предположениями, люди и сами во всём этом не хуже вас разберутся. Вы факты давайте, а то всё – то да потому… Порой вообще смотреть стыдно, смотришь, какой-то один «эксперт» что-то сказал утверждающе, второй то же самое, только другими словами повторил, слово за слово, в итоге, тут же в студии сцепились, ведущий едва растащил…

Сказали бы просто, мол на фронте то-то и то-то, такая ситуация на сегодня… Как в Великую Отечественную – факты, конкретика… да поправдивей, полевитанистей: «Говорит Москва!..»

Только где там! Почему-то принято считать, что народ без повторений многократных да внушений ничего не поймёт. Вот и сидишь в итоге как дурак, перед этим «ящиком» в надежде из всей этой словесной шелухи да

перебранки хоть что-то реальное выцепить. Нет, не зря, не зря все эти передачи у них ток-шоу-ми называются. Так и живём, кому война, а кому – одно сплошное шоу…

Частенько сетовал Василий Михайлович после таких шоу-приятий и на себя, и на руку свою искалеченную, на то, что сам на Донбасс нынче не может:

– Хоть и староват для войны, но это ладно бы – старый конь, как известно, борозды… А вот пальцев, чтоб на курок надавить да перекреститься нет – это уже серьёзно…

Однако и теперь не хотел он оставаться в стороне, старался, чем мог, быть полезным тем парням, тем контрактникам, которые сегодня освобождали Донбасс и Луганск – ту землю, где он когда-то свои пальцы оставил:

– Гляди-ка, не зря пальчики там посеял! Взошли, поднялись ро́димые, аукнется ещё нацикам наша кровушка!..

– Дядь Вась, а можно я сегодня тебе денежки с карты переведу? С телефона… – это Галя его спросила, как-то нахмурившись. – А то с наличкой сегодня не задалось.

– С карточки, говоришь?.. С телефона?.. – Василий Михайлович, сразу заметил, что она чем-то озабочена, потому улыбнулся и добавил по-доброму. – Конечно, Галчонок, тебе всё можно…

Девочка достала из кармана свой смартфон:

– А у тебя счёт на «Сбере»? А, дядь Вась?.. А номер на 20-22 заканчивается?.. – И увидев, как Василий Михайлович утвердительно

кивнул: «Ну да, как год нынешний…», – стала сосредоточено тыкать пальчиком в экран.

– Ну вот, «Василий Л.»… Так? Тысяча рублей… Ловите.

– Ты уж хоть не каждую неделю бы… Самим, поди, денег не хватает. – Литовченко сказал осторожно, чтобы невзначай не обидеть, хотя знал уже, убеждать Галю бесполезно. Искренне понимал и её горячее желание помочь тем, кто сейчас там, на передовой, вместе с её мамой… Но для порядка всё же поворчал.

– Ничё, прорвёмся, дядь Вась! Папка у нас сейчас хорошо зарабатывает. Живём – ни в чём не нуждаемся. Он теперь на сдельщину перешёл, там вкалывает. Заказов у них, сам знаешь сколько… Считай круглосуточно на армию работают. А мамке… да и вообще нашим там, любая копейка лишней не будет.

– Да-а… – Со знанием дела согласно выдохнул Литовченко. – Прорвёмся, Галчонок! Сейчас там действительно, каждая банка консервов на счету, каждый снаряд… Это здесь, чтобы его, снаряд этот сделать, несколько человек не один час работают… а там он раз – и улетел в никуда… БК на передовой быстро заканчивается, быстрее, чем провизия…

– А БэКа – это что?

– Боекомплект. Как раз то, что твой отец на заводе делает…

– Почему это «в никуда»?.. По нацикам! – Галя безапелляционна, и ясно дала понять, что не сомневается – всё именно так будет, и иначе даже быть не может. Никаких – в никуда, только в цель!

– Да, да… Конечно. По ним по проклятым… – Как-то легко и покорно согласился с девочкой Литовченко, и, услышав «пик-пик» своего

мобильника, бросил взгляд на дисплей. – Ну вот, Галчонок, видишь, упала на счёт и твоя тысяча. Как раз завтра за консервами на базу поеду… Вот и отправим твоей мамке помощь.

– Кстати-и, тут вот ещё, дядь Вась… – Девочка протянула Литовченко альбомный листок. – Гога нарисовал. Попросил, чтоб я мамке отправила, через тебя. Малой он ещё, глупый. Не понимает, что к маме вряд ли попадёт… Но ты, всё равно, в коробку какую-нибудь упакуй рисунок этот вместе с продуктами. Может кто-то из наших получит картинку эту, своих домашних вспомнит, сам порадуется хоть чуть-чуть. Друзей порадует…

Василий Михайлович внимательно рассмотрел рисунок:

– Да… Молодец, парень! Зря ты, Галчонок, на брата напраслину говоришь… Ты уж определись как-то с ним – либо он взрослый у тебя, либо глупый. Ведь, судя по рисунку, всё здесь есть, что человеку для мирной жизни нужно: вот семья, вот дом, вот небо… Нет, правильный он парень у вас растёт. А рисунок я обязательно вложу! И по поводу попадёт маме – не попадёт, как знать, чего только в жизни не случается…

– Твоими устами, дядь Вась…

– Моими-то?.. Пожалуй, уже только горькую… Мёд свой я отпил, да, как говорят, не в коня корм. – Литовченко усмехается, но в этот раз как-то не совсем весело.

– Ты это, дядь Вась, с горькой-то… того, не балуй!

– Ну ты прям журишь меня, как бывало моя Маринка, пока жива была… – Литовченко опять усмехается с горечью. – Лучше вот что посмотри. Ты тут сказала, а я вспомнил: нам вчера как раз учительница школьная тоже рисунки принесла. Пятиклашки специально для солдат на

уроке рисовали. – Он протягивает Гале пачку альбомных листов. – Я что подумал сейчас, разложим их, рисунки эти, тоже по одному по посылкам, пусть там, на передовой люди о доме, о семье вспомнят. Для них каждая весточка отсюда – как лучик тепла. Всегда важно верить и знать, что о тебе кто-то помнит, что ждут тебя. Я-то знаю…

Василий Михайлович замолкает, думает о чём-то своём. О чём, Галя спросить не смеет, потому как понимает, если захочет человек выговориться, сам всё расскажет.

Но, видно, не хочет Василий Михайлович сегодня рассказывать, потому, помолчав, спрашивает Галю, переводя разговор:

– А что, Галчонок, мама-то, давно звонила? Где она нынче там?..

– Звонит-то, редко… – Галя тоже задумывается, напряжённо подбирает слова. – Чаще по «ватсапу» пишет: жива. Терпимо, мол, всё у них. Чтоб мы не волновались. Гоге привет шлёт, передаёт чтоб меня слушался и учился хорошо… Ну а как там на самом деле, где стоят?.. Про то, сам знаешь, им ни говорить, ни писать нельзя. Военная тайна.

– Эт-т точно, тайна за семью печатями. – Соглашается Литовченко и, немного помолчав, добавляет. – Ладно, заболтались мы, Галчонок. Пойдём что ли, посылки пособираем немного, а то завтра партию груза отправлять нужно, а мы её и скомплектовать-то толком ещё не успели. Такие дела…

– Лады, дядь Вась, пошли…

Действительно, настроение у Гали сегодня неважное, не зря Литовченко это подметил. Не то чтобы что-то особо плохое сегодня

произошло. Просто нежданная, неприятная для неё встреча с бывшим своим одноклассником. С Тимом Фоминым.

Точнее Тим – это так, для выпендрёжа. Просто в классе все пацаны его так называли – Тим. Вообще-то, Артём он. Но Тим ему почему-то больше нравилось, наверное, думал, что более звучно. Гале, конечно, всё равно, что Тим, что Артём. Но, на её взгляд, Артём всё же лучше, более серьёзно звучит, более по-взрослому, что ли. А то – Тим, Тим – как щенка подзываешь…

Она ещё с первой их встречи подметила: парень самоуверенный, смазливый на мордочку, но задаётся. Наглый, хотя на нутро и гниловатый. Она таких, не то чтобы не любит, просто относится к ним, ну, – никак.

К тому же, Тим этот на всех своих одноклассников свысока смотрит, видимо, нравится ему, когда перед ним лебезят и заискивают…

Когда Галину маму перевели служить в госпиталь в военный городок, который в этом районе находится, она в новую школу вынуждена была пойти. Поближе к новому месту маминой «дислокации». Конечно, волновалась сильно, все подружки её в прежней школе остались, переживала: как примет её новый класс здесь, на новом месте? Сумеет ли подружиться с кем-нибудь?..

В первый же день, к ней сразу же прилипла девчонка. Худенькая, востроносая, чем-то на лису похожая. По крайней мере, Галя так её сразу окрестила – «лисичка-не сестричка», а первое впечатление, оно, как известно, самое верное.

Бойкая, нагловатая эта её новая знакомка, и немного развязанная. Сразу спросила, критически окинув Галю взглядом:

– Новенькая?

– Ну да.

– Ну-ну… – Она ещё раз придирчиво осмотрела Галю. – Толстовка… Russia?

– Россия.

– А зовут как?

– Кого? Толстовку?

– Ой, не могу, расхохотала… Толстовку!.. Тебя, конечно…

– Ну, Галя.

– А я – Алиса, без «ну». Но не та, что из страны чудес. Потому что я – сама чудо… А одета ты правильно – норм… В такой одёжке с тебя здесь за шмот никто не спросит…

– В смысле?..

– Да в том самом… Ты чё, совсем тёмная? Не сечёшь ситуацию?

Галя действительно не секла, она почувствовала, ей срочно требуются какие-то пояснения по поводу всего сказанного её новой знакомой, поэтому предпочла честно признаться Алисе:

– Не секу. – И не удержалась, съязвила всё же. – Проясни базар.

– Ха… Базар. Молодец, быстро схватываешь, не тушуешься! – Алиса продолжила. – Короче, слушай так, раз говорю, больше не повторяю! Если ты надела футболку Fred Perry, Tommy или… – В этом месте она буквально вывалила на Галю ещё целый ворох названий иностранных брендов. – За такой шмот могут и спросить – право носить его имеешь!.. – Заметив вопрос в глазах собеседницы, добавила. – Короче в глаз получишь, если не убедишь, что имеешь!

– Почему?

– Такие футболки раньше скины носили, оттуда всё… Вот они и спрашивали у лохов, если ты не скин, зачем футболку позоришь?.. А если, к тому же, прикид у тебя палёный, Китай какой-нибудь или другая хрень, то и футболку ещё порвут или в лоскуты изрежут…

– Зачем?

– Да потому что не фиг всякую паль носить, нормальных людей своим видом оскорблять!..

Галя с интересом слушала свою новую знакомую, не то чтобы на ус мотала, но всё-таки не безразлично ей в каком «курятнике» теперь жить и учиться предстоит: «Паль, хрень… А школа-то однако, элитной считается», – усмехнулась про себя она. Между делом заметила, что и сама мысленно переходит на этот Алисин сленг: «не секу», «базар»… Улыбнулась – с кем поведёшься…

– Ну, короче, как-то вот так. А и главное, ты с Тимом и его командой не конфликтуй… – Закончила свою воспитательную работу Алиса. – Тогда всё норм будет.

– Ты хотела сказать с Тимуром?

– Ну да, скажи ещё с Гайдаром… Или с Чубайсом. С Тимом Фоминым, я ж ясно глаголю!

– Да в целом ясно… А Тим – это кто? – На всякий случай спросила Галя.

– Да вон они стоят. – Алиса кивнула на стайку ребят, которые собрались в самом дальнем углу класса. Они явно кучковались вокруг белобрысого красавчика, что-то рассматривая в его руке. Присмотревшись,

Галя довольно просто определила, что этот белобрысый и есть тот самый Тим, о котором Алиса её предупредила.

Тим с видом явного снисходительного превосходства, как бы нехотя демонстрировал кучке окруживших его парней, видимо, свой новый крутой айфон. Один из его свиты, чернявый парень – как позже Галя узнала от той же Алисы, Свищ или Олег Свищев, тоже мажорчик, но калибром помельче, чем Фомин, спросил оценивающе, хотя и подхалимским тоном с плохо скрываемой завистью в голосе:

– Одиннадцатая модель!? Дорогой, верно?..

– Одинадцатый! – Ответил Тим после некоторой паузы, он, конечно, заметил, как смотрит на него чернявый, но вида не подал, только немного посмаковав его завистливый взгляд, добавил нехотя. – Да нет, пятьдесят две штуки… рублей.

– А хар-ки?..

– iOS 13… Память сто двадцать восемь гиг и ещё четыре оперативки… Ёмкость три сто десять... Две камеры…

«Конечно, не каждые родители могут позволить себе своему чаду такую «игрушку» купить», – отметила про себя Галя.

Первого сентября, ещё собираясь в школу на встречу, Артём спросил свою мачеху:

– Алёна, а где мой новый айфон? Не знаешь?

Алёна Владимировна – новая жена отца, молодая, старше Артёма на каких-то двенадцать лет, поэтому Тим с ней сильно не церемонился, называл запросто Алёной. Ничего, потерпит, до Владимировны не доросла ещё.

– Наверно, там, где ты его вечером положил. – Мачеха громко, но слегка насмешливо ответила ему из своей комнаты.

Перекрикиваться во весь голос, так вот из комнаты в комнату, у них с Артёмом было в порядке вещей.

– Алён, ну, позвони, а… На мой номер…

– Ну, чисто детский сад. – Сказала мачеха, видимо, нехотя набирая его номер. – Младшая группа!..

Где-то из прихожей послышались громкие звуки государственного гимна.

– Ты бы хоть этот свой музприкол свой убрал. Поставь нормальную музыку на входящий…

– Спросить! С меня!.. Я сам с кого хочешь, спрошу! А гимн сегодня в тренде – ничё не сечёшь…

– Ну-ну… Кичится поп, что патлы до попы…

Вредная она, эта Алёна, каждый раз норовит подколоть его. Отец недавно на ней женился, а так лет пять после смерти матери один жил, не сказать что затворником, приводил, конечно, всяких таких, но так, старался всё же, чтобы с Артёмом дамочки эти не очень-то пересекались. Вечером попозднее приходили, когда Артём уже в своей комнате «ко сну готовился» перед телевизором, утром – такси вызывал и выпроваживал их пораньше, пока сын ещё спал.

А эту, Алёну, как-то привёл, да так она и осталась у них. Теперь вот официально с отцом расписались, даже в церкви повенчаться успели. Артёму, конечно, всё равно, пусть батя с ума сходит, коли невтерпёж. Только

вот очень уж она его, в смысле батю, к рукам прибрала. Потому-то Артём Алёне тоже дерзит, не спускать старается её подколов:

– Сама-то давно в первый класс перешла! Вос-пи-та-атель-ница…

Алёна это, вроде, мимо ушей пропускает, но видно, что не преминет и обязательно припомнит при случае. Хотя бы тем отыграется, что от него, от Артёма, отцовское внимание по максимуму на себя оттянет. В последнее время бате из-за её этих хитростей, как-то не до Артёма почти. Заглянет он иногда к сыну в комнату, спросит:

– Ну как дела, сын?

– Норм, батон.

– А учёба?

– Тоже норм.

– Ну ладно… Не запускай только.

Он и не запускает. Хоть и не в интерес ему учёба эта, но учится ровно: по всем предметам четвёрки да пятерки. Учителя Тима уважают, а директор школы, так тот всё время поздороваться норовит:

– Здравствуй Артём. – Персонально по ручке. – Как у отца здоровье? Что-то он давненько к нам в школу не заходил?

Конечно, беспокоится. Ведь пока Артём здесь учится, отец школу щедро спонсирует: компьютеры вон новые подарил парочку в класс информатики, и так – если деньги на ремонт класса нужно, тоже никогда не жадничает. Тем более, при его-то оборотах, в его-то бизнесе, для него это копейки.

Батя рыбзавод в своё время успел к рукам прибрать, в мутные чубайсовские времена. Ваучеры по дешёвке скупил, их за акции завода

отдал, немного своих денег в ремонт цехов вложил, оборудование кое-какое новое прикупил, со старыми друзьями своими камчатскими, с которыми ещё по молодости на путинах колымил, связь наладил, в смысле снабжения рыбой, – теперь они партнёры… И заводик этот нынче доход не плохой их семье приносит. Живёт батя – не печалится, да и Тима не обижает, теперь вот и Алёну эту… Словом, заводик – место действительно «рыбное», на всех хватает… И чего ж директору школы о батином здоровье не справиться…

Одноклассники Артёма тоже «уважают», кто-то заискивает, а кто-то и вовсе побаивается. Вот Тимом называют, ну и правильно, пускай! Ему-то что, даже приятно…

В этом году в класс к ним сразу две новеньких пришли. Конечно, надо сразу дать им понять, кто здесь в классе, а то и во всей школе, – главный. Но так чтоб кто-то это другой сделал, не он сам.

Одну из этих «мочалок» сразу эта трещотка-Алиса в оборот взяла, объяснила ей, что к чему, какие тут порядки. Ничего, пусть вразумит, может, дойдёт что-то до этой метёлки с хвостиком. А вторая, она вон – притихла в уголке, сжалась воробышком.

– А футболка-то у неё Tommy! – Это Свищ Тиму подмигнул. – Только, Китай – там, не иначе…

– Так чё мы стоим тогда? – Тим посмотрел на парня с ухмылкой. – Давай, тащи ножнички, сейчас покоцаем.

– Где их взять-то?.. – Свищ от неожиданности растерялся даже.

– Да хоть у директора школы иди спроси. – Пренебрежительно хмыкнул Тим и выжидающе уставился на Свища. – Ну!..

Тот сжался, засуетился как-то, видимо, не зная, что ему дальше делать: шутит дружок его или серьёзно наехал.

Но тут он увидел Галин старенький «Самсунг», который лежал на парте, и зацепился за него как за спасательный круг, чтобы как-то вынырнуть из этой неловкой двусмысленной ситуации:

– А глянь-ка, Тим, какой кирпич! Ему давно на помойку пора… Ща выкину схожу!.. – Свищ усмехаясь пошёл к окну, наблюдая за реакцией Гали.

Недолго думая, Галя быстро подошла к Артёму, вырвала у него из рук его айфон. Тим явно не ждал от неё такой прыти и наглости и застыл в недоумении.

– Эй ты, Свищ, или как там тебя! – Галя, обращаясь к Свищеву, подняла высоко вверх руку с зажатым в ней Артёмовым айфоном. – Быстро положил мой телефон на место! Не дай бог кинешь, и айфон дружка твоего следом полетит! Или об пол его сейчас грохну!.. – Заметив, что чернявый застыл от такой неслыханной наглости новенькой, добавила. – Не сечёшь что ли? Быст-ро!

Похоже, что Галя и сама от себя такого не ожидала, но – сами виноваты! – довели. Наверное, вид у неё был действительно грозный и убедительный, потому что даже в глазах Тима она увидела растерянность:

– Ты! Ты… Отдай лучше! Не расплатишься ведь, дура…

– Расплачусь, не расплачусь – не то твоя печаль. А кто из нас дурак, мы ещё посмотрим!

Свищ тоже замер рядом, ждал, что ему Тим на это скажет, будто гончая стойку принял. Фомин, сжал губы, поморщился, но собрался, и пренебрежительно бросил Свищу:

– Отдай.

– Может ей это, того… лучше под зад пнуть?.. – С надеждой посмотрел Свищ на Тима.

– Отдай, сказал! – Артём резко развернулся, и как будто ничего не произошло, стал разговаривать с кем-то из окружавших его парней.

– Н-на! – Свищ, небрежно положил Галин смартфон на парту, хотел что-то добавить, но глянул на неё зло и осёкся.

Дошло видимо, что коли даже Тим спасовал – за него не вступился, от этой бешеной чего угодно ожидать можно. Подошёл было ко второй новенькой, хотел за футболку рвануть, девчонка сжалась испуганно, однако Галя, уже почувствовав вкус своей нечаянной победы, пригрозила Свищу:

– Отстань от неё! Сам напрашиваешься…

Он ещё раз зло сверкнул глазами в Галину сторону и отошёл от греха подальше к своей компании.

Новенькую девочку, за которую вступилась Галя, звали Татьяна. Они сразу подружились, и с самого первого дня крепко держались друг друга, хотя, если точным быть, это Татьяна держалась за Галю, с первых же минут почувствовала в ней защитника.

Отец новой Галиной подружки токарил на том же оборонном заводе, что и её папа, мама работала в небольшом магазине продавщицей, то есть на статус мажора Татьяна никак не тянула. Как и Галя. Крутыми гаджетами и шмотками, которые были у большинства их новых одноклассников, ни Галя, ни Таня похвастаться не могли. Поэтому приходилось, подбирая вещи и одежду, довольствоваться заполонившим магазины обычным китайским

ширпотребом. Качественные вещи китайцы делать научились – и прилично, и не дорого – но всё равно, «тимовцы» относились к этим подделкам под западные бренды с высокомерием. «Палево», – презрительно кривились они.

Не сказать, что это сильно Галю угнетало, но всё-таки… Хотелось ей иногда что-нибудь такое покруче, чтобы взять и утереть нос всем этим мажорам. Помнит она, как однажды устроила маме истерику из-за телефона. Присмотрела себе в комиссионке сравнительно новую модель, и недорого, как ей показалось. Конечно, айфон классом пониже, чем, скажем, у Тима. Не новый, с небольшим дефектом, но зато – всего за тридцатку. Она долго не решалась, и всё-таки желание иметь этот айфон взяло верх, в конце концов, Галя отважилась сказать об этом маме. Хотя примерно и предвидела её реакцию. У мамы округлились глаза, и чуть не повыскакивали из орбит:

– Ско-олько!!! Трид-цать тысяч? Всего-то!?. Слышишь, отец, девушка наша шикарно нынче живёт!.. А Гошку в школу на какие шиши собирать будем?..

Отец промолчал, по обыкновению, только недовольно покачал головой.

– Конечно! – Взорвалась Галя. – Всегда у вас так – всё для Гоги!.. А то, что у всех в классе – айфоны, одна я – нищенка!..

– Прям уж, у всех? Твой смартфон тоже нормальный, по крайней мере всё поддерживает – и интернет, и почту…

– Конечно, поддерживает!.. Кир-пич – он кирпич и есть!

– Ну, извиняйте, бананьев у нас нема… – Мама развела руками. – Ничего, обойдёшься пока. Потерпишь. – И твёрдо добавила. – Сейчас лишних денег у нас нет!

– Для меня у вас всегда нет. – Пробурчала Галя обиженно и заперлась в своей комнате.

Уже потом, успокоившись, поняла, конечно. Преувеличила она свои «страдания». Вон, у Таньки тоже телефон старенький, ещё кое у кого в классе тоже всякие есть – но ведь хочется, хочется же – покруче!..

Тем более, что после того первого дня в новой школе, Галя почувствовала к себе некоторый холодок со стороны большинства одноклассников. Она даже подозревала, вернее, почти наверняка знала, кто этот холодок вокруг неё «подогревает». Конечно же, это всё – Тим и его подпевалы, такие как Свищ. Тот вообще буквально из кожи вон лезет, чтобы поддакнуть дружку и унизить её при всех, потому что понимает, во многом его авторитет в классе зависит от Фомина.

Впрочем, сам Тим вообще делает вид, что Гали для него не существует, так, пустое место. А эти пресмыкающиеся – Свищ и еже с ним, то ли из желания угодить Тиму, то ли чтобы тоже в изгои не попасть, время от времени ей какие-нибудь мелкие пакости делают – то кнопку на стул подсунут, то и вовсе стул мелом измажут, то какой-нибудь мусор в её рюкзак тайком натолкают. Однажды вон дохлую мышь подложили, думали, испугается – закричит. Не испугалась. Внимательно посмотрела на всех, поняла – Свищ это сделал. Спокойно усмехнулась:

– В следующий раз на физре мышь эта, скорее всего, в твой кроссовок залезет… – И бросила ему мышку ему. – Лови!

Свищ вздрогнул от неожиданности. Конечно, возможно, не веди она себя так вызывающе, не противопоставляй себя этим «моральным уродцам»,

как она их для себя окрестила, они бы успокоились со временем. Но Галя – гордая, почему она должна перед ними слабость показывать!

С некоторого времени она заметила, что даже подружка Таня, как-то стесняться Гали начала. Кучкуется больше с Алиской да с тимовскими прихвостнями, а от Гали в стороне держится, вроде и разговаривает с ней, а сама оглядывается – не видит ли этого Фомин или кто-то из его дружков, не донесут ли ему... И они все – даже Олег Свищев, который всех презирает, и только перед Тимом хвостом вертит – в последнее время с Татьяной общаются. Не то чтобы совсем её в свой круг впустили, конечно, и разговаривают свысока, но рядом со своей стайкой находиться позволяют. Татьяне и этого, видимо, достаточно: хоть – не трогают, гадостей ей не делают…

А вот Галя совсем одна осталась, не то что поговорить, даже просто словом перекинуться, ей в классе не с кем. Да и о чём: весь интерес у них сводится к тому, чтобы шмотками да гаджетами померятся, кому родители что крутое купили, куда на курорт свозили… Как-то пригласила подружку Таню в кино. Та замялась как-то:

– Да ты знаешь… Мне сегодня некогда…

– А что так?

– Да… у Алиски сегодня день рождения. В кафе пригласила…

– Понятно.

Словом как-то так всё, не то что бы грустно совсем, но – не весело. И когда вопрос перед Галей встал ребром, куда ей после девятого класса податься – в десятый или в колледж, она ни секунды не сомневалась – нужно профессию приобретать, если «жизнь так складывается». Родители, конечно,

не восторженно это её решения восприняли, но она упёртая – в колледж, и всё тут! А про себя добавляла: хотя бы ради того, чтоб этих рож подхалимских не видеть!

Словом, поступила она в колледж и не пожалела. Значит, правильно сделала: здесь постепенно открыла она для себя, что учиться, оказывается, бывает интересно. Особенно ей спецпредметы понравились, слушая лекции – будь то теоретическая механика или сопромат, она чётко понимала и представляла, для чего это ей нужно, как этим можно будет пользоваться. Не то что в школе: вроде, что-то узнаёшь, но абстрактно всё: зачем? И как потом эти знания по жизни применить?..

Удивительное дело, всего второй год она в колледже проучилась, а уже твёрдо знает, обязательно надо его с красным дипломом окончить, а после – в институт…

В этот день Гале, как обычно заказали две пиццы с уже знакомого адреса. Она знала, заказывает там постоянно одна и та же женщина, моложавого вида, красивая. Зовут её, кажется, Алёна Владимировна, это Галя подсмотрела, когда набирала на складе заказ, в журнале приёма диспетчер обязательно всё записывает. А Гале это тоже нужно знать, потому что вдруг какой-нибудь вопрос возникнет, как к клиенту обратиться? Не будешь же безлико или «эй ты». Лучше в таких случаях по имени-отчеству назвать.

Впрочем, в этом доме проблем никогда не случалось, женщина и рассчитывалась с ней всегда сама, всегда наличными, всегда без лишних слов. Спрашивала только:

– С грибами?

– Да. Две, как заказывали.

– Сколько с меня? Двести?

– Двести рублей!

И никогда хозяйка не забывала поблагодарить:

– Спасибо.

– Пожалуйста.

А вот в этот день мелких денег у неё не случилось, и у Гали сдачи с тысячной ещё не набиралось, она сегодня только-только начала развозить заказы.

– Извините. Сейчас всё решим. – Женщина заглянула в одну из комнат, и Галя услышала, как она с порога громко спросила кого-то. – Слышь, малой, у тебя мелочь есть? Двести рублей…

– Есть, только мне ж отец на кафешку дал. Вечером с пацанами собрались.

– На вот тебе тысячу, на кафешку. А ты из своих, пожалуйста, с девочкой за пиццу рассчитайся. Так и быть, одну – тебе отдам.

– Ла-адно, рассчитаюсь… – По голосу слышно было, что «малой», к которому Алёна Владимировна обращалась, не очень-то этим доволен.

А хозяйка, как обычно вежливо поблагодарила Галю, и ушла. Вот тут-то из комнаты, и появился – Артём Фомин!.. Этого Галя никак не ожидала. Конечно же, она знала, что живёт он, вроде, где-то в этом районе, но чтобы вот так вот, неожиданно столкнуться с Тимом, в его квартире, лицом к лицу!.. «Повезло же!»

– Ты-ы!? – По тому, как он застыл с широко открытыми глазами, было видно, что и Тим искренне удивлён.

– Нет, не я, пицца! – Усмехнулась Галя, сдерживая неприятное раздражение внутри, впрочем, ей быстро удалось взять себя в руки.

Артём что-то буркнул, недовольно опустил глаза, нехотя хмуро покопался в карманах висевшей в гардеробе ветровки, достал и подчёркнуто небрежно кинул ей на небольшой столик, стоявший здесь же в коридоре, пару скомканных купюр:

– На вот. Сдачи не надо.

Не то чтобы это Галю зацепило, но как-то неприятно стало: она сюда, в конце концов, не за подачкой пришла, чего швырять-то. И сама не знает, как у неё вырвалось:

– Слышь, себе оставь. Потом, когда заработаешь САМ, отдашь. – Галя спокойно и одновременно подчёркнуто презрительно произнесла это САМ.

У Артёма просто челюсть отвисла. Да, он знал, что эта дикая нищебродка – бывшая его одноклассница может дать отпор, не забыл и ту историю со смартфоном, поэтому он и предпочитал не связываться, просто презрительно не обращал на неё внимания. А тут, нос к носу, и это спокойное, презрительное – «когда заработаешь САМ»! Какое-то время он так и стоял, опешив, даже после того, как Галя вышла из квартиры и захлопнула дверь.

– Рассчитался с девочкой? – Это Алёна выглянула в коридор.

– А-а?..

– Чего тормозишь? За пиццу, спрашиваю, рассчитался?

– Да-а… Конечно. Рассчитался… – Неуверенно соврал он.

Вечером, после того, как они с Василием Михайловичем полностью управились на складе – собрали и подготовили всю партию гуманитарки, Галя возвращается домой обычной дорогой: заходит в магазин рядом с небольшой кафешкой в соседнем доме, чтобы купить Гоге чипсы.

Сегодня, как всегда, там за столиком в летнике опять тусуется Фомин со всей своей бандой. Как всегда, громко орёт музыка, парни курят, о чём-то слишком громко разговаривают, перекрикивая музыку, и друг друга.

«Видать, опять пивка лишку хватанули…», – отмечает про себя Галя.

Забавно, все они как на подбор – в чёрных футболках с символами Z и V. Совсем недавно такие же футболки подарил им дядя Вася – и Гале, и всем другим ребятам-помощникам из колледжа. Добрый он дядька, не иначе как на свои деньги футболки эти специально купил, чтобы хоть как-то ребят отблагодарить. Она и сейчас в этой футболке с буквой Z. Тоже, какая-никакая поддержка тем, кто там на передовой.

«Надо же, и эти туда же… Золотая молодёжь. – Грустно, но не зло усмехнулась она про себя, и невольно съязвила. – Не иначе, как в свете всех последних событий нынче такие футболки в тренде, если даже эти «отметились»... Да-а, взрослые уже вроде мальчики, через год школу окончат, а ведут себя как… Гога и то, пожалуй, повзрослее и поумнее этих будет…»

Подумала так и даже пожалела их: чем занимаются? Что у них за проблемы, что за заботы? Кучковаться вот здесь, пиво халкать, горлопанить, айфонами меряться – в этом главный смысл!?.

Да нет, всё это от безделья, от отсутствия настоящих серьёзных проблем, которые ей, к примеру, каждый день решать нужно… А эти… – в

стайки сбиваются… а поодиночке – что каждый из них из себя представляет? Что может!?.

Вернувшись домой, Галя почти сразу, передохнув от силы минут десять, начала готовить ужин своим «мужикам»: отец, видимо, вот-вот с работы приедет, Гога тоже с улицы подтянется, Галя, проходя издалека видела, как он сейчас на детской площадке с пацанами футбол гоняет…

Закончив с готовкой, она садится за свой курсовой, настраивая себя: надо! Надо его сегодня срочно доделать, завтра зачёт!

…Ну, вот и всё, кажется. Так она вжилась с головой в этот чертёж, что пока сначала мысленно, потом на листе ватмана кроила стальной лист – чтобы максимум деталей из него получить и при этом в допуски попасть – даже и не заметила, как вернулся с работы и поужинал отец; как Гога, тоже поужинал и спать лёг.

«Молодцы, мужики, посуду за собой помыли», – машинально отметила она, заглянув на кухню. И почувствовала внезапно, что глаза у неё начинают закрываться сами по себе, вот-вот уснёт прямо на клавиатуре компа.

«Гога, тот уже мирно посапывает на своей кровати, отец тоже, похоже, уснул, только телевизор бурчит что-то про Украину у него в комнате. Куда стреляли, куда попали, чего и сколько уничтожили… – это по делу, это всё Конашенков рассказывает…», – думает Галя.

Курсовой она уже закончила, а эту сводку она уже днём в офисе у Михалыча на карте видела... Галя тихонько, чтобы не разбудить отца, заходит к нему в комнату, выключает телевизор.

Можно, конечно, спать ложиться. Но есть ещё одно дело, которое ей непременно нужно сделать сегодня.

Она умывается, специально очень холодной водой, чтобы глаза поменьше слипались, наливает крепкого чая и снова садится к компьютеру.

Пишет: «Милая мамочка! Знала бы ты, как нам с Гогой без тебя тяжело, как скучаем!.. Нет, не думай, я не жалуюсь.

Гога наш подрос, совсем вредный стал, огрызается. Приходится иногда ему и подзатыльник давать, иначе не переубедишь… Но это редко, чаще всё-таки он меня пока ещё слушается.

А вообще, живём мы дружно… Скучаем только. Отец работает много, домой усталый приходит, поест и спать. А утром опять на работу… Я тоже работаю, но ты не волнуйся, на учёбе это не отражается. Всё успеваю.

Так что, на хозяйстве у нас главный – Гога. Я ему список с утра пишу, отец – деньги оставляет, а Гога днём сам все продукты на семью закупает. Вечером прихожу – готовлю, так что они с отцом у меня голодными не сидят. Да и Гога сам уже научился кое-чему, к примеру, яички поджарить вполне может. Так что, днём, если что, что-то перехватить он себе и сам сообразит. Глядишь, в скором времени, и суп у меня варить научится…

Ты прости нас, мамочка! Что мы часто не слушались тебя, расстраивали из-за всякой ерунды… Теперь-то я прекрасно понимаю: ну, не нужен был мне этот дурацкий дорогой айфон, футболка эта Tommy… У меня теперь другая есть с буквой Z, дядя Вася подарил Литовченко, чтобы я и тобой, и всеми нашими солдатами гордилась. А капризничала я тогда – только из вредности и по недомыслию. Хотелось, наверное, быть не хуже других. А на поверку, оказалось, что определяется это не крутым телефоном,

не шмотками, не тем, что на них написано… А тем, что ты сам из себя представляешь. Что ты по жизни делаешь, с чем живёшь, кого любишь, что защищаешь… И всё это сегодня, сейчас с тобой, с нами со всеми происходит…

Мама милая, мы с Гогой гордимся тобой! Вы там побеждайте скорее… и возвращайся...

Твои дети: Галя и Гога».